

колониальных проблем и из наших актуальных и насущных отношений к отсталым народам и их культурам возникают общие вопросы социологического и психологического порядка, к разрешению которых в первую очередь призвана „этнология“.

Так совершенно открытым и достаточно циничным образом Турнвальд, начав с полевой этнографии, — правда, уже по заданиям Имперского колониального управления, — и пройдя через более или менее отвлеченную „этно-психологию“, скатился к практической „этнологии“ как „научному“ орудии подавления национального движения и колониального порабощения отсталых народов.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГРУППОВОМ БРАКЕ

Не приходится говорить о значении группового брака для марксистско-ленинской теории первобытного общества. Морган, открывший его существование, рассматривал групповой брак как третью ступень развития семьи, непосредственно следующую за периодом промискуитета и кровно родственной семьей. Классической формой группового брака он считал пуналуальную семью, из которой впоследствии развились родовые институты, в то время как австралийский брак целыми классами представлялся ему „более грубой формой группового брака“.

Основывавшийся в значительной мере на открытиях Моргана, Энгельс дал новую постановку вопроса, еще больше подчеркнув значение группового брака. Все формы брака, предшествовавшие парной семье, Энгельс рассматривает как разновидности группового брака. „Мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Состоянию дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая супружеской неверностью и проституцией.“¹

Энгельс вовсе не утверждал, что существование группового брака несовместимо с родовым строем. Подобное, чрезвычайно распространенное в нашей литературе мнение основано на полном непонимании взглядов Энгельса. Групповой брак действительно характерен для „периода дикости“, но, описывая греческий род, Энгельс отмечает, что в связи с уже совершившимся переходом от материнского рода к отцовскому, „следы группового брака начали значительно стираться“.² Груп-

повой брак существует еще в условиях материнского рода. Более того, можно сказать, что высших своих форм он достигает именно в период ранне-родового общества. „Появившись на средней ступени и развившись на высшей ступени дикости, род достигает своего полного расцвета, насколько позволяют судить наши источники, на низшей ступени варварства“.¹ В течение всего среднего и высшего периода дикости (если перевести на современную терминологию, то на протяжении всего верхнего палеолита и мезолита)² род существует с групповым браком. Только развитие родовых институтов превратило бесформенно-промискуозные сношения в твердо конституированные экзогамные группы и создало классификаторскую систему родства. „Чтобы эта система родства могла появиться на свет, для этого необходима еще родовая организация. Отсюда следует, что она появилась позднее „пуналуальной семьи“ и произошла из нее. Эта организация принадлежит средней ступени дикого состояния“.³

Морган построил свою замечательную схему развития семьи главным образом на основе анализа систем родства. Единственным известным ему „живым“ случаем группового брака

¹ Энгельс, цит. соч., стр. 159.

² „Ориньякско-солютрейская эпоха является эпохой зарождения родового строя“, — пишет Борисковский („К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита“. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 4, стр. 28). Этот вывод, целиком совпадающий с результатами моих собственных исследований, больно бьет по пресловутой теории „тотемического общества“, которую так неудачно пытался защищать С. Н. Быковский в предисловии к названной работе Борисковского.

³ Морган. Первобытное общество, стр. 493.

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 74, 1932.

² Энгельс, цит. соч., стр. 99.

была гавайская „пуналуальная семья“, представлявшая собой в действительности весьма поздний и сильно реставрированный специфически-экономическими условиями полинезийского общества пережиток группового брака. Кроме того, он был знаком с устройством камилароев, где групповой брак целыми классами существовал только „теоретически“ (Fison), т.е. пережиточно. Реальные отношения были основаны уже на парном браке. После смерти Моргана Спенсер, Гиллен и Гоунитт открыли действительно осуществлявшиеся брачно-групповые отношения у матрилинеально организованных племен юго-востока центральной Австралии, Богораз у чукоц, Штернберг у гиляков, блестяще подтвердив таким образом взгляды Моргана и их дальнейшее развитие у Энгельса. После них был сделан ряд открытий, закладывающих новые кирпичи в фундамент, на котором покоится величественное здание марксистско-ленинской теории первобытного общества. Именно поэтому эти открытия тщательно замалчиваются буржуазной псевдо-наукой, игнорирующей их как мало значительные факты. На них мы и остановимся.

Исследование североамериканских индейцев, значительно подвинувшееся вперед со времени Моргана, обнаружило у них несомненные случаи группового брака. Даже столь закоренелый противник Моргана, как Кларк Уисслер, должен был признать: „Некоторые сообщения об эскимосах и дене указывают на частичные случаи многожества, являющиеся скорее приспособлением к обстоятельствам (adjustment to necessity), чем нормальными способами брака. Беря Новый Свет в целом, мы найдем там отдельные случаи свободы и вещи похожие (!) на групповой брак, подобный найденному на тихоокеанских островах“.¹ Всякими оговорками и оговорочками Уисслер стремился спасти Новый Свет от „скабрёзного списка“ (P. W. Schmidt), на этот раз фактов, говорящих о групповом браке. Но дальнейшее изложение покажет, что речь идет не об „отдельных случаях“ и вещах, похожих на групповой брак, но о племенах, у которых групповой брак является „нормальным способом брака“.

Начнем с индейцев пауни, принадлежащих к семье языков кэддо. Они делились на две, не связанных между собой группы: пауни-

никтс, обитавших по берегам Red Rivers, и пауни с реки Платты (притока Миссури).

В данном случае мы будем говорить об этих последних. Кэтлин описывает их как „очень сильную, воинственную нацию“, число которой в его время доходило до 12 тысяч (1837 г.), но раньше было вдвое больше: в 1832 г. их истребила оспа. Пауни делились на четыре группы (bands) или семьи, называемые Grand Pawnee, Tarag Pawnee, Republican Pawnee, Wolf Pawnee. Во главе каждой группы стоял вождь. Они жили в четырех деревнях, расположенных в нескольких милях одна от другой, на берегу реки Платты; были в союзе с омага и с оттоэ, действуя сообща с ними в случае войны.¹

Кроме того по социальному строю и языку к ним были близки арикарии, обитавшие до вторжения белых в долине Миссури, 47° с. ш., и некоторые племена Техаса и Луизианы.² Уисслер относит пауниев с некоторыми оговорками к индейцам прерий, от которых они отличались знакомством, хотя и в ограниченных размерах, с употреблением посуды и корзин, ткачеством, экстенсивным земледелием, постоянными жилищами, вырытыми в земле, и „праздником маиса“.³ Но охота на бизона играла огромную роль в их жизни.

Племя состояло из двух секций, в свою очередь распадавшихся на роды: в одной секции было 3, в другой 11 кланов (Wissler, p. 167). Наследование считалось по женской линии. После брака мужчина переходил жить в семью жены (Handbook of American Indians). Своеобразной особенностью системы пауни, была родовая эндогамия. Браки заключались внутри рода, хотя и не между ближайшими родичами (Wissler, pp. 163, 169). Впрочем этот пункт не вполне ясен. Уисслер не дает источника, из которого заимствует эти сведения, а найти их мне не удалось. Неясно также с тотемизмом. „Handbook“ указывает, что „тотемов, принадлежавших к конфедерации, не было“. Фрезер, напротив того, говорит, что по Кэтлин у голова буйвола была тотемом племени, но ссылка им сделана ошибочно: у Кэтлина ни на указанной странице, ни в других местах ничего подобного нет. Сведения Моргана о пауни также крайне отрывочны и поверхностны. Все это показывает, насколько

¹ Catlin. Illustration to Manners, Customs et. American Indians, v. II, p. 27.

² Schoolcraft, v. III, p. 40.

³ Wissler. North-American Indians, p. 220.

¹ Wissler. North-American Indians, N. Y., 1923, p. 186.

плохо изучено это племя. Тем более интересна статья Александра Лессера, уже известного американского этнографа, „*Levirate and Fraternal Polyandry among Pawnees*“, напечатанная в журнале „*Man*“, 1930 г. Она основана на полевой работе 1929 г. „У пауни, — пишет Лессер, — половые сношения между мужчиной и женой старшего брата были общепринятым социальным обычаем, не требовавшим формальной брачной церемонии. По мере того как младший брат подрастал, его родители обучали его любить старшего брата и жену старшего брата, как свою собственную, и когда он становился молодым мужчиной, его посылали жить к старшему брату (вспомним, что резиденция матрилокальна АЗ). При этих обстоятельствах старший брат часто разрешал младшему осуществлять свои права второго мужа по отношению к своей жене. Некоторые пауни утверждали, что согласие давалось после того, как младший брат доказывал свое мужество на тропинке войны. Если старший брат отсутствовал продолжительное время на охоте или на войне, младший брат принимал заботы о его жене и жил с ней, как со своей собственной. Если старший брат уезжал куда-нибудь в то время, когда младший не жил уже в его домохозяйстве, родители посылали его заботиться о жене старшего брата. Нарисованная картина не нуждается в комментариях. У пауни чистота брачно-групповых отношений сохранилась еще больше, чем у гиляков. Но самым замечательным является связь этого порядка с сороратом. Все сестры теоретически считались женами мужа старшей сестры. Если он брал в жены всех сестер, или собирался это сделать в дальнейшем, то ни один мужчина не мог претендовать на младших сестер, и только в случае отказа мужа старшей сестры младшие сестры выходили замуж за других мужчин. Если последние не были родственниками мужа старшей сестры, то жены не были общими. Обе четы жили отдельно. Так как резиденция была строго матрилокальная, муж старшей сестры переселялся в подземный дом своей жены, следующая же сестра со своим мужем строили отдельный дом. Впрочем старшинство тут не являлось решающим.

Иначе делалось, когда два брата женились на двух сестрах. В этом случае жены были общие. Если они хотели и дом родителей был достаточно обширен, чтобы вместить обе четы, они оставались в доме родителей. В противном случае они строили отдельный дом. Такой двухсемейный дом был ти-

пичной формой домохозяйства пауни. Понятно, что в таком доме каждый из двух братьев был вторым мужем каждой из двух сестер“.

Этот порядок Лессер скромно именует сороратом и левиратом. Но мы прямо должны сказать, что это классический случай группового брака, подобного которому еще не знает этнография. И австралийские пиррауру и чукотские „товарищи“ по браку, и права младшего брата на жену старшего у гиляков бледнеют перед этим замечательным случаем брака двух братьев на двух сестрах, являющегося основной формой брака у пауни. Открытие Лессера — это целая эпоха в этнографии. После него сомневаться в теории группового брака может лишь тот, кто сознательно закрывает глаза.

Родственные номенклатуры пауни отражают этот брачный порядок: жена и сестра жены называются та-тарак-таку (та-те-лук-тук-у, по Моргану), т. е. буквально „наши жены“, муж и братья мужа та-тсакук-таку — „наши мужья“, ти-си-тикук-таку — наш муж“, те-ти-тук-у, по Моргану). Родственная номенклатура пауни отличается от нормальной классификаторской системы тем, что сестры отца, сестра матери и мать называются одним термином — ах-те-ра (Морган), но это легко объяснимо из эндогамного характера брака. Различие этих терминов в обычной классификаторской системе проистекает от того, что сестра матери и сестра отца принадлежат к различным родам. Но то обстоятельство, что муж сестры матери (ах-те-ис) и муж сестры отца (ах-те-пут) обозначаются различными терминами, указывает на существование экзогамии в прошлом. Очевидно, эндогамный порядок явился следствием каких-то внешних причин, разбивших старую экзогамную систему и обусловивших указанную аномалию в системе родства, не успев, однако, разрушить последнюю в полном объеме.

Вполне понятно, что в первую голову эти изменения в социальных отношениях отложились на тех терминах, которые ближе всего связаны с брачными, т. е. на терминах второй, но не третьей линии родства и свойства.

Однако, содержание краткой статьи Лессера не исчерпывается сказанным. Он установил также, что подобный же порядок существует не только у пауни, но и у арикари, кители, ваший, т. е. общи всему семейству кэддо. Наконец эквивалентные отношения существуют у команчей (шошонская семья язы-

ков), которые во время мировой войны, будучи мобилизованы в американскую армию, отдавали своих жен младшим братьям.

Наконец, наряду с указанными формами брака у этих племен существовал обычай жить с женой брата матери, так же, как живут с женой старшего брата. „Племянник у пауни посылался жить к брату матери, так же, как к старшему брату, и до периода своего собственного брака занимал в доме брата матери положение второго мужа“. Такие отношения продолжались обычно от 2 до 5 лет. В случае смерти брата матери, племянник часто женился на его жене. Эта форма брака также находит свое отражение в терминах родства: мужчина часто именует жену брата матери — та-те-рак-таку — термин, означающий также жену и жену брата.

Поистине замечательное открытие Лессера, опубликованное в распространенном журнале, не вызвало никаких откликов в буржуазной прессе. Тем более нет ничего удивительного в том, что целый ряд фактов, изложенных в специальных и редких монографиях, посвященных отдельным племенам, обходился молчанием во всех сводных работах. Так, не многим известно, что индейское племя черноногих также сохранило отчетливые следы группового брака.

Черноногие, относящиеся к алгонкинской группе языков, по культуре являются типичными индейцами прерий. Их основным занятием была охота на бизонов. Собирательство играло незначительную роль, рыбная ловля отсутствовала вовсе, так же, как и земледелие. Они жили в конических палатках типичной и передвигались пешком, навьючивая волокушами собак. От белых они заимствовали лошадей. Их культура характеризовалась кроме того отсутствием гончарства, ткачества и плетения. Одевались они в одежды из шкуры оленя и буйвола и употребляли круглый щит. Работы по кости, камню и дереву были слабо развиты. Их социальная организация характеризовалась тайными обществами для мужчин и особым порядком, именуемым американцами „лагерным кругом“. Согласно Уисслеру эта культура сложилась не ранее XVII в.¹ До этого черноногие обитали в постоянных деревнях с подземными жилищами и культивировали маис, тыкву и табак. Происшедшая

с ними трансформация была связана, с одной стороны, с появлением лошади, давшей возможность следовать за стадами буйволов, с другой стороны, очевидно с напором ирокезов, лига которых достигла наивысшего расцвета, именно в конце XVII и в начале XVIII вв.¹ и потеснила алгонкинов на средний запад. В связи с этими перемещениями материальные отношения последних радикально изменились, но духовная культура сохранила следы старого быта.

В начале XIX в., по словам Кэтлина, черноногие были настоящей грозой прерий. Они были самым воинственным, влиятельным и большим племенем континента, обычаи которого широко распространились по прерии. Кэтлин считал их численность в 16 500 душ,² принц фон-Вид — 18—20 тысяч.³ Как мы уже указали выше, наиболее характерной чертой их социальной организации, по Уисслеру, является лагерный круг. Каждое подразделение черноногих (их было три: подразделение собственно черноногих, подразделение крови и подразделение голубя) имело свой собственный круг, т. е. собрание всех членов племени, во время которого типично-типично располагались в строгом порядке, образуя правильный круг. Внутри этого круга происходили советы, собрания, и исполнялся танец солнца. Родовая организация, насколько известно, отсутствовала, хотя ее прежнее существование доказывается не только сравнением с социальным строем алгонкинских племен, не перешедших к бродячей жизни, но и анализом системы родства. Их брачные отношения весьма интересны. Согласно фон-Виду, „брак заключался без всяких церемоний, достаточно было заплатить отцу невесты соответствующую плату.“⁴ Также легко брак расторгался. Ограничений в числе жен не существовало, обычно их было от одной до пяти, причем брачные обязательства распространялись главным образом на первую жену. Остальные жены имели любовников среди молодежи, даже если это запрещалось.⁵ В некоторых случаях холостые

¹ См. Morgan „League of Ho-de-na-sau-nee“, 1922.

² Catlin, v. I, pp. 42, 51.

³ Maximilian von Wied. Reise in das Innere Nord Amerika. B. I, S. 558, 1839.

⁴ Maximilian von Wied. Reise etc. B. I, S. 537.

⁵ Wissler. The Social Life of Blackfoot Indians. Anth. Pap. of The Am. Mus. N. History, v. VII, part I, p. 11.

¹ Wissler. Diffusion of Culture in the Plains of N. America. Congrès International des Americanistes, XV, 1906.

молодые люди брали до вступления в брак женщины „в долг“ у своих приятелей.¹ Наряду с этим у черноногих существовал институт „потенциальных жен“, являющийся пережитком группового брака. Уисслер описывает его в следующих туманных выражениях: „о сестре жены говорили как об отдаленной жене (distant-wife), она могла быть некоторым образом дополнительной женой, хотя неясно, какие обязательства по отношению к ней существовали при наличии многоженства. ... Брак на сестрах был легализован, так как (?) они могли жить в гармонии. Отношение потенциальных жен применяется также к братьям-близнецам. Если они были не действительными близнецами, но неразлучными компаньонами, то тот же термин применялся к ним, хотя в меньшей степени“.

Наряду с этим практиковался также следующий обычай: мужчина и его дополнительные жены ждали при встрече друг от друга дерзких и непристойных жестов, касающихся половых сношений.²

Уисслер — противник Моргана. Своим туманным изложением он стремится создать впечатление будто бы институт добавочных или дополнительных жен сводится к непристойным жестам. Но из его же описания следует, что в отношении так называемых „психических запретов“ добавочная жена ставится на одно место с настоящей женой;³ из указаний на обычай брать жен в долг, наконец, из порядка взаимоотношений братьев и сестер в браке ясно, что мы имеем дело с довольно реальными брачно-групповыми отношениями, которых Уисслер постарался не заметить, или, в худшем случае, с их непосредственными пережитками. Очевидно в связи с институтом потенциальных жен черноногих нужно поставить joking-relations другого племени алгонкинов-меномини: эти отношения существуют между индивидом и его дядьками и тетками, племянниками и племянницами, невестками и зятьями, но запрещены между кузинами и кузенами. В порядке joking-relation разрешаются всяческие шутки и даже половые сношения.⁴ Joking-relation известны и в Калифорнии. „У племени серрано все родственники распадаются на

„высмеиваемых“ и уважаемых. Все родичи по своей собственной прямой линии и их родня того же пола относятся к категории уважаемых; все родичи противоположного пола (брат матери, сестра отца, брат бабушки и т. д.) к категориям высмеиваемых. Дети занимают положение своих родителей. Кросс-кузены третьего и четвертого поколения — высмеиваемые родственники, параллельные — кузины — уважаемые. Это правило обратимо, так что мужчина никогда не шутит с детьми брата, женщина с детьми сестры. Муж и жена относятся к взаимно высмеиваемым категориям.“¹

Природа этих отношений далека от ясности. Собранный материал совершенно необработан научно: марксистская проработка вопросов северо-американской этнографии еще не началась. Но два приведенных выше факта способны выдвинуть быть может несколько рискованное, но правдоподобное предположение: не связаны ли joking-relation с групповым браком? Не являются ли они формой, под которой осуществляются дополнительные брачные отношения с лицами разрешенного этногамными правилами класса, но изъятными из полового общения практикой парного брака?

Повторяем, что это только гипотеза. По всей вероятности под термином „joking-relation“ соединены весьма разнообразные явления. Описания этнографов часто, к сожалению, слишком туманны и отрывочны, чтобы можно было заметить что-либо. В частности непонятно, как строятся отношения с родственниками высмеиваемой категории одного пола.

Остатки брачно-групповых отношений мы находим также у племени кроу (Дакота). Фрезер описывает их брачный порядок в следующих выражениях: „Если мужчина женится на старшей дочери, то он имеет право жениться на всех ее младших сестрах, как только они подрастут, даже если жива его первая жена, их сестра. Он может и отказаться и настоять на том, чтобы его права были переданы его клану... Этот обычай, взятый вместе с обычаем левирата, предписывающего братьям жениться последовательно на некоторых женщинах, может быть наилучшим образом объяснен гипотезой, согласно которой он является пережитком того времени, когда группа братьев регулярно женилась на группе сестер. (Totemism a. Exogamy, v. III, p. 154). Фрезер вполне прав, полагая, что сочетание левирата с соро-

¹ Wissler. The Social Life etc., p. 12.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Skinner. Social Life and Ceremonial Bundlers of the Menomini Indians. A. P. A. M. N. H., v. XVII. p. I.

¹ Strong. Aboriginal Society in Southern California, 1929, p. 29.

ратом есть пережиток группового брака. Быть может было бы точнее сказать, что это есть его поздняя форма.

Народы крайнего севера Американского континента, атапаски и эскимосы, занимают несколько своеобразное положение в отношении брачных порядков. „Священный и всеобщий барьер между кровными родичами, — пишет Джиббс о индейцах тсесаут, — ими не соблюдается. И хотя общественное мнение не считает это вполне порядочным, мужчины живут со своими матерями, своими сестрами и своими дочерьми. Это не является обычным, но далеко от того, чтобы быть редким. Я слышал о двух сыновьях, совместно владевших своей матерью, об одном, жившем со своею дочерью, и о нескольких женатых на сестрах. Случай полигамного брака на двух сестрах вообще обычен“.¹

Сообщение Джиббса далеко от точности. Тсесауты делятся на две экзогамных секции — Сокол и Волк, с женской филиацией, что а priori исключает возможность сожительства мужчины со своей сестрой и матерью, хотя разрешает, при условии отсутствия непосредственных кровно-родственных запретов, брак отца с дочерью. Очевидно Джиббс тут ошибся, но признать целиком его сообщение ложным было бы чересчур поспешно, так как Самуил Хирн (Hearn), посетивший в XVIII в. близких тсесаутов чинипшейев сообщал примерно то же. „Большинство южных индейцев, так же, как атапасков нагани, пишет он, весьма не щепетильны в половом отношении. Достоверно известно, что некоторые из них совокупляются с собственными матерями, а иногда сестрами и дочерьми. Я знал нескольких из них, которые после того, как пожили в подобном состоянии со своими дочерьми, передали их своим сыновьям, и вся компания уживалась подобным образом. Известно также, что те, кто жил под непосредственным покровительством англичан, иногда брали дочерей или сестер в жены, очевидно из страха вызвать их неудовольствие. Но хорошо известно, что случаи инцеста имели часто среди них место, хотя не так часто, как среди диких индейцев“.²

Рассказ Хирна, так же, как и Джиббса содержит явно неправдоподобные черты, но как гласит пословица, „нет дыма без огня“.

¹ Цит. по Frazer. Totemism and Exogamy, v. III, p. 362.

² Цит. по Frazer, v. III, p. 354.

Если в определении степени родства между лицами, вступающими в брак, оба путешественника могли ошибаться, в особенности, если принять во внимание их незнакомство с особенностями индейской номенклатуры родства, то групповая форма брака выступает в обоих сообщениях совершенно отчетливо. Важно также отметить, что у северной ветви алгонкинов-кри практиковался гостеприимный гетеризм,¹ чрезвычайно развитый также у эскимосов. Обычай обмена женами, также распространенный у эскимосов, представляет собой не что иное, как особую форму осуществления брачно-групповых отношений. Мурдох пишет об эскимосах Барроу-Пойнт: „временами устраивается всеобщий обмен жен в деревне. Каждая женщина переходит от мужчины к мужчине до тех пор, пока не обойдет всю деревню и не вернется к своему мужу. Это показывает, что эскимосы не совсем еще вышли из того состояния, которое именуется коммунальным браком, когда все женщины считаются женами всех мужчин общины“.² Часто бывает, что два эскимоса временно меняются своими женами. „На Лабрадоре, если эскимос собирается летом на охоту на оленя, а его сосед намерен промышлять лососей, причем жена первого является специалисткой по приготовлению оленьих шкур, а жена второго ловка в разрезании лососевых, то они на этот сезон меняются женами“.³ Можно было бы привести массу свидетельств подобного рода. Но они утомительно однообразны и не вносят ничего нового. Более отчетливо указывает на групповой брак у эскимосов Банкрофт, писавший: „эскимосы не знают ревности, угощают своих гостей женами, мужчины имеют по несколько жен, женщины по несколько мужей“.⁴ Он же приводит ряд свидетельств, говорящих о промискуозных связях братьев и сестер, родителей и детей.⁵ У близких эскимосам алеутов и у индейцев тлингитов существовал институт половинщиков, заключающийся в том, что женщины имели по два мужа — одного главного, другого „половинщика“ или „помощника“. Интересно, что у тлингитов „половинщик всегда должен быть

¹ Franklin. Journey to the Polar Sea, v. I, p. 104.

² Murdoch. Ann. Rep. B. A. E., p. 913.

³ Hawkes. The Labrador Eskimo, p. 116.

⁴ Bancroft. Native Races of the Pacific Coast, v. I, p. 66.

⁵ Bancroft, v. I, p. 81—82.

или брат, или ближайший родственник (мужа)".¹

Изложенные факты нуждаются в специальном и весьма объемистом исследовании, которого мы в нашей краткой статье выполнить не можем. Мы полагаем, что в ожидании подобного исследования достаточно ограничиться следующими общими выводами: несомненно, что у чипчевцев, эскимосов, алеутов, талингитов, тсесаутов существовал групповой брак, формы которого нуждаются в дальнейшем изучении. Если у гуляков он является родовым, причем брачно-групповые связи осуществляются в рамках экзогамных делений, то у перечисленных северных народностей он часто принимает более аморфные формы. Причины этого нуждаются в дальнейшем изучении.

Говоря о новых данных, подтверждающих взгляды Энгельса на групповой брак, нельзя пройти мимо работ Киведо и Риверса. Первый из них, исследовав старинные сообщения о южно-американских индейцах гуарани, установил у них наличие левирата и попытался связать этот обычай с развитием предшествующего многожества, при котором жена одного брата принадлежала и всем прочим братьям, как (?) при „сорорате“: первоначально муж имел право на всех сестер жены одновременно, впоследствии по очереди, как результат дегенерации такого состояния, при котором все мужчины были мужьями всех женщин племени.² Пережитками такого порядка можно считать устраиваемые индейцами сатурналии.³ Этот весьма интересный вывод Киведо является, насколько нам известно, первым указанием на групповой брак в Южной Америке. Наряду с все увеличивающимися сведениями о родовом устройстве, тотемизме и классификаторской системе родства, он позволяет высказать убеждение, что в скором времени возможно будет включить в схему всемирно-исторического развития и южноамериканских туземцев.

Наконец, вдали от американского континента, в Индии брачно-групповые отношения

были открыты Риверсом у племени тода, живущего на Мильгарийских холмах. Тогда впервые были посещены португальскими миссионерами еще в 1602 г. и о них имеется колоссальная литература. Наиболее обстоятельное обследование тода было произведено Риверсом в 1901—1902 гг. Тогда живут в небольших деревнях, рассыпанных по холмам на высоте 3000—4000 ф. над уровнем моря. Каждая деревня состоит из маленькой группы хижин примитивной конструкции. Главное занятие тода — разведение буйволов, а затем уже охота. Все племя делится на две эндогамные группы — тарасароло и теңвалио. Брак между членами этих групп запрещен. Но эти эндогамные подразделения в свою очередь распадаются на ряд более мелких, уже экзогамных кланов. Каждый клан владеет несколькими деревнями, населенными только его членами. Наследование считается по мужской линии, но сохранились кой-какие пережитки материнского права.

„Тода имеют сложно организованную и твердую систему многожества. Когда женщина выходит замуж, она становится одновременно женой не только своего мужа, но и его братьев. Когда юноша женится на девушке, то не только его уже существующие братья рассматриваются как мужья девушки, но даже братья, которые родятся после, могут разделить права старшего брата“.¹ В случаях, если муж не имеет родных братьев, их могут заменить братья по клану.

Обычно братья живут вместе. Когда жена забеременеет, старший брат исполняет „церемонию дарения лука и стрел“, но все братья в равной мере считаются отцами. Случается, что мужья живут в разных деревнях, тогда жена проводит с каждым из них несколько месяцев.

Описанный порядок мог бы просто именоваться полиандрией, как это и делается большинством буржуазных этнологов, если бы Риверс не установил, на основании изучения генеалогий, что „полиандрия тодасов имеет тенденцию комбинироваться с полигинией“.² Два брата имеют двух общих жен, но „изучение генеалогий показывает, что часто каждый брат имел свою собственную жену, или несколько братьев имели больше, чем одну жену. По всей вероятности в таких случаях братья жили в общности“.³ Прибавим к этому следую-

¹ Вениаминов. Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. II, СПб., 1840, стр. 78. — Его же. Записки об ситхинских алеутах и колошах, т. III, стр. 96. — Bancroft, v. I, p. 92.

Загоскин, Пошехондов. Опись части русских владений в Америке, 1827, стр. 45.

² Lafone Quevedo. Guaraní Kinship Terms as index of social Organization. American Anthropologist, v. 21, p. 423.

³ Там же, p. 423.

¹ Rivers. The Todas. London, 1906, p. 521.

² Rivers, p. 521.

³ Rivers, p. 518.

шее замечание Риверса: „брачные связи у тодас в настоящее время очень слабы. Жены постоянно переходят от одного мужа или группы мужей к другой, причем новый муж или мужа платят небольшое число буйволов старому“,¹ и абрис тодаского брака может считаться завершенным. Это безусловно групповой брак, правда уже в начавшей разлагаться форме.

Итак, мы собрали длинный список фактов, доказывающих всемирно-историческое распространение группового брака. Не приходится сомневаться, что дальнейшие исследования еще увеличат его и тем самым еще более укрепят фундамент марксистско-ленинского учения о первобытном обществе, наглядно иллюстрируя несостоятельность теории первичной моногамии.

А. М. Золотарев.

IV. ЭТНОГРАФИЯ В СССР

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО УССР

(Выставка в ЦМН)

Одним из важнейших этапов работы Центрального музея народоведения за 1932 г. является создание выставки „Социалистическое строительство УССР“, открытие которой было приурочено к 15-летию УССР.

Идея создания выставки зародилась в Центральном музее народоведения около года назад и была прямым следствием тех новых установок, которые взял музей. Необходимость и своевременность марксистского музейного показа Советской Украины на музейно-этнографическом материале, получила поддержку и одобрение со стороны т. Бубнова, который в специальном письме на имя Наркома просвещения УССР писал, что: „Выставка УССР должна вылиться во всесторонний показ достижений рабочих и колхозных масс УССР перед лицом трудящихся всего Союза“.

Важнейшим политическим моментом положенным в основу организации выставки был принцип решительной и последовательной борьбы с помещичье-буржуазной и мелкобуржуазной трактовкой украинского вопроса борьбы с „малоросийщиной“ — тем искаженным представлением об Украине и ее рабоче-крестьянской культуре, которые до самого последнего времени упорно навязывали открытые и скрытые классовые враги из лагеря великодержавных шовинистов; с другой стороны, необходимо было ударить по украинским буржуазно-националистическим тенденциям.

Задачи выставки в основе заключались в том, чтобы развернуть перед зрителем весь исторический путь Украинской Советской

республики, пролетариат и трудящиеся массы крестьянства которой за 15 лет превратили эту бывшую своеобразную колонию царизма, лишенную всех прав на развитие национальной культуры в передовую индустриально-аграрную республику, строящую под руководством Ленинской партии большевиков свое социалистическое хозяйство и культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Идея, заложенная при начале работ по устройству выставки вела и к тому, чтобы дать представление о Советской Украине, как одной из передовых Советских республик, как о неотъемлемой части СССР — доказывая этим самым несостоятельность теорий всех буржуазных „авгуров“, пытающихся оторвать рабоче-крестьянскую Украину от семьи Советских народов.

Задача состояла в том, чтобы не впадая в излишние детали того или иного специального отраслевого значения, попытаться в экспозиции дать синтез — обобщающую картину, отражающую исторический процесс развития УССР за годы революции.

Эта задача осложнялась тем, что до 1932 г. показ Украины в Центральном музее народоведения был типичным для этнографического музея старого типа. Музей имел в своем распоряжении небольшое количество экспонатов по костюму, отдельным промыслам и занятиям, которые сами по себе, хотя и имели научную ценность, но относились в большинстве своем ко времени известной Московской этнографической выставки 1867 г.

Собранные позднее отдельные коллекции преимущественно по так называемому „народ-

¹ Rivers, p. 523.